

№ 7 Чаши
в отб

От тов. Ежова

25
1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП (б)

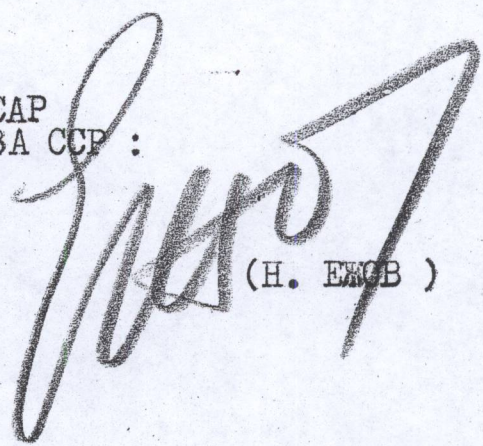
ТОВ. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам протокол допроса РАДЕКА К. от 10-13
января с.г.

РАДЕК уточняет переговоры, которые он вел с членами параллельного центра ПЯТАКОВЫМ, СОКОЛЬНИКОВЫМ и СЕРЕБРЯКОВЫМ о терроре, вредительстве и о контакте с немцами и японцами.

Далее РАДЕК перечисляет директивы, полученные им от Троцкого и показывает об информации, которую он (РАДЕК) направлял Троцкому через РОММА и БУХАРЦЕВА.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР :

(Н. ЕЖОВ)

"17" января 1937 года.

№ 55333

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

РАДЕКА, Карла Бернгардовича, -

10-13 января 1937 г.

Вопрос: На допросе от 4-6 декабря 1936 г. вы показали, что члены параллельного центра троцкистско-зиновьевского блока обсуждали все вопросы деятельности блока, встречаясь друг с другом наедине.

Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Да, подтверждаю. Это было именно так; по конспиративным соображениям мы совещаний не устраивали.

Вопрос: Из всех ваших предыдущих показаний видно, что вы поддерживали непосредственную связь со всеми остальными членами центра, т.е. ПЯТАКОВЫМ, СОКОЛЬНИКОВЫМ и СЕРЕБРЯКОВЫМ. Так ли это?

Ответ: Да, это так. Я должен лишь оговориться, что с членом центра ПЯТАКОВЫМ связь была более систематической, с СОКОЛЬНИКОВЫМ менее регулярной, а с СЕРЕБРЯКОВЫМ за все время существования центра я виделся всего два-три.

Вопрос: Расскажите подробно о ваших встречах с ПЯТАКОВЫМ?

Ответ: Первая моя встреча с ПЯТАКОВЫМ состоялась осенью 1932 года на квартире у ПЯТАКОВА, вскоре после моего разговора с МРАЧКОВСКИМ, когда я ему дал согласие на участие в центре троцкистско-зиновьевского блока. Так как с МРАЧКОВСКИМ я мало говорил о перспективах деятельности блока, то первый наш разговор с ПЯТАКОВЫМ, с которым я был в дружес-

ких личных отношениях и привык всегда делиться своим мнением, был посвящен именно перспективам деятельности блока.

Я мотивировал мое согласие на вхождение в центр блока и на террористическую тактику тем, что при существующем положении и внутрипартийном режиме нельзя будет добиться изменения политики ЦК ВКП/б/, которая, по моему мнению, приведет к краху.

Только физическое уничтожение руководителей ВКП/б/ и советского правительства даст возможность пересмотреть политику и направить ее (политику) в желательном для нас духе.

ПЯТАКОВ обратил мое внимание на то, что даже после убийства СТАЛИНА, МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА и КИРОВА большинство остальных членов ЦК ими воспитанных будет настаивать на продолжении нынешней политики ЦК.

Задача поэтому состоит в том, чтобы, воспользовавшись замешательством, вызванным в партии и стране террористическими актами, если это будет возможно, захватить власть в свои руки или, если это будет невозможно, признав формально политику советского правительства правильной, пробраться к власти и затем уже совершить " дворцовый переворот" позже.

Такие директивы получил ПЯТАКОВ, по его словам, от ТРОЦКОГО через СЕДОВА, во время пребывания ПЯТАКОВА в 1931 г. в Берлине.

Таким образом, вошедши в блок для борьбы, хотя бы и террористическими средствами, я сразу же был поставлен перед фактом, что цель блока направлена к захвату власти. Я с

этим согласился, ибо логика была на стороне ТРОЦКОГО: новую политику могла проводить только новая власть.

Перейдя с ПЯТАКОВЫМ к обсуждению положения в блоке, мы оба высказывали опасения, что в случае прихода к власти зиновьевцы повернут руль против троцкистов. Это опасение диктовалось не только учетом групповых интересов зиновьевцев, но и политическими моментами: мы боялись, что склонность ЗИНОВЬЕВА к панике, совместно с определенно правыми тенденциями КАМЕНЕВА и СОКОЛЬНИКОВА, сделает отступление, (которое необходимо) паническим и приведет в результате к реализации старой программы расширенного НЭП'а.

В ту же встречу мы, т.е. я и ПЯТАКОВ, решили сообщить наши сомнения ТРОЦКОМУ. Это я сделал в письме, посланном ТРОЦКОМУ через РОММА в конце 1932 года.

В сентябре 1933 года я получил через РОММА от ТРОЦКОГО ответ.

В этом письме ТРОЦКИЙ ставил вопрос о перспективах блока шире.

ТРОЦКИЙ указывал, что экономическое отступление будет более решительным, чем можно было предполагать, что дело идет к восстановлению НЭП'а и что поэтому не только нечего бояться установок КАМЕНЕВА и СОКОЛЬНИКОВА, но надо идти на блок с правыми.

В области тактической он не только высказывал недовольство по поводу свертывания террористической акции в связи с арестами СМЕРНОВА И.И., ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, но одновременно требовал форсирования вредительства, связывая это со

своей пессимистической оценкой положения страны.

Об этом письме я сообщил ПЯТАКОВУ, когда мы встретились к концу 1933 года на ужине хозяйственников у ФУШМАНА. На мой упрек ПЯТАКОВУ почему я до этого письма от ТРОЦКОГО не был им (ПЯТАКОВЫМ) информирован о вредительстве, как одним из методов, принятых блоком, ПЯТАКОВ ответил мне, что он был убежден, что это сделал МРАЧКОВСКИЙ и что эту директиву он принял к исполнению только после тщательного раздумывания. Он рассудил, что раз он пошел на террор, то нечего отступать и перед вредительством. В этой области он к тому времени начал уже разворачивать работу.

Я в этом разговоре заявил ПЯТАКОВУ, что я с ним целиком согласен: раз пошли на борьбу с целью захвата власти, нечего предаваться личным настроениям, нечего проводить грани какими методами вести борьбу, путем ли террора, вредительства, или еще каким-либо путем.

В связи с тем, что в директиве ТРОЦКОГО, о которой я выше показал требовалось расширение блока вплоть до включения правых, я поднял вопрос перед ПЯТАКОВЫМ насчет его связи с БУХАРИНЫМ.

О содержании моей беседы по этому поводу с ПЯТАКОВЫМ я давал показания на предыдущих допросах.

Следующая моя встреча с ПЯТАКОВЫМ произошла весной-летом 1934 года на его квартире в связи с директивой ТРОЦКОГО о внешней политике и пораженчестве. Я сообщил ПЯТАКОВУ подробно содержание этой директивы, факт установления ТРОЦКИМ

контакта с немцами и японцами и его указания, данные нам установить такой же контакт с представителями этих стран в Москве.

Для меня и для Пятакова было ясно, что Троцкий, разочаровавшись в блоке как самостоятельной силе, ищет рычага в связях с Германией и Японией.

Мы оба считали, что если блок придет к власти путем террора, то он должен непременно идти на сделку с Германией. Мы оба сошлись на том, что если не удастся прийти к власти путем террора, то все равно нападение Германии на СССР неизбежно. Исходя из этого, мы считали, что если блок хочет прийти к власти в результате поражения СССР в войне и хочет власть эту удержать, то блок должен представить в глазах будущего своего контрагента (т.е. Германии) силу и ценность. И то, и другое должно проявиться в действиях; в террористической акции, в наличии сильной военной организации и в развертывании вредительства.

Но это означало и мы отдавали себе в этом отчет, что блок переходит от перспективы поражения, которую мы считали неизбежностью к пораженческой тактике.

Точно также, как мы приняли вредительство как метод борьбы, мы приняли и пораженчество, утешая себя в тот период времени только тем, что может быть удастся взять власть путем террора и тогда, удовлетворив аппетиты Германии и Японии избежим войны.

Ввиду того, что Троцкий требовал от нас установления связи с немцами и японцами в Москве, я и Пятаков пришли к

выводу, что, не зная как далеко зашел контакт ТРОЦКОГО; о чем конкретно и с кем он вел переговоры, нам не надо брать инициативы в свои руки, но если немцы или японцы обратятся к нам, то в соответствующей форме подтвердить, что ТРОЦКИЙ действует от имени блока.

Я спросил ПЯТАКОВА знает ли он содержание разговора СОКОЛЬНИКОВА с ОТТА. ПЯТАКОВ ответил, что он с СОКОЛЬНИКОВЫМ по этому поводу еще не говорил. По моей просьбе ПЯТАКОВ взял на себя задачу информировать СОКОЛЬНИКОВА о директиве ТРОЦКОГО и попросить его зайти ко мне в "Известия".

В эту же встречу, в связи с разговорами о пораженческой тактике в войне, ПЯТАКОВ сообщил мне, что вредительскую работу ему удалось развернуть на ряде важнейших участков промышленности и транспорта и указал, что эту работу ведут на Украине КОЦОВИНСКИЙ и ГОЛУБЕНКО, в Сибири - МУРАЛОВ, БОГУСЛАВСКИЙ и ДРОБНИС, на транспорте СЕРЕБРАКОВ и ЛИВШИЦ.

В этом же разговоре ПЯТАКОВ поделился со мной, что проведение вредительской тактики встречает большие психологические и технические затруднения и просил меня сообщить ТРОЦКОМУ, что у него есть сомнения насчет эффективности этой тактики.

Летом 1935 года я имел встречу с ПЯТАКОВЫМ опять - таки у него на квартире. В эту встречу я информировал его о моих переговорах с БАУМОМ в конце 1934 г. и о его приезде ко мне на дачу незадолго до моей встречи с ПЯТАКОВЫМ.

Так как это была первая встреча после убийства С.М. КИРОВА, мы также обменялись мнениями о политических уроках этого террористического акта.

Мы вынуждены были констатировать, что разрозненные террористические акты вряд ли могут привести к цели. Мы решили вызвать ДРЕЙЦЕРА, чтобы получить от него совершенно конкретную картину состояния террористических групп и в зависимости от подготовленности этих групп для серьезной террористической акции поставить перед ними задачу совершения одновременно террористических актов над основными руководителями ВКП/б/ и тем самым сразу перейти к разрешению вопроса о власти.

Вопрос: Вызывали ли вы ДРЕЙЦЕРА?

Ответ: Да, я посылал ДРЕЙЦЕРУ в Криворожье открытку, в которой иносказательно объяснил ему необходимость выяснения положения и требовал приезда в Москву.

Я получил от ДРЕЙЦЕРА ответ, в котором он давал понять, что в данный момент он, по соображениям конспирации, приехать не может, но что при первой возможности он приедет.

Когда я и ПЯТАКОВ в процессе беседы, о которой я показывал выше, пытались установить, какие же все таки, существующие террористические группы, нам известны, ПЯТАКОВ мне сообщил, что в Туле существует террористическая группа, созданная ДИТЯТЕВОЙ. Я же ему рассказывал о террористических группах ФРИДЛЯНДА и ТИВЕЛЯ-ЗАКС-ГЛАДНЕВА.

Следующее свидание с ПЯТАКОВЫМ состоялось в декабре 1935 г., когда я получил директиву ТРОЦКОГО о двух вариантах прихода к власти блока и об отношении к Германии.

Об этой встрече я давал подробные показания на предыдущих допросах.

Последняя моя встреча с ПЯТАКОВЫМ была в начале 1936 г. когда он мне рассказывал о своем свидании с ТРОЦКИМ и когда мы решили созвать совещание.

Об этом я также показывал на предыдущих допросах.

Чтобы исчерпать все, что мне передал ПЯТАКОВ о его разговоре с ТРОЦКИМ, я должен сообщить еще следующее:

ПЯТАКОВ, передавая мне о своих переговорах с ТРОЦКИМ, рассказал мне, что ТРОЦКИЙ нападал на него за недостаточно активные, по его мнению, действия и заявил: "Центр, видимо, думает, что располагает пятилетними сроками для разворачивания своей деятельности, дело же идет об одном, максимум о двух годах. Германия и Япония уже заканчивают свои вооружения. Все расчеты на то, что эти страны еще не готовы к войне- ошибочны.

Никто, никогда не может быть готовым до последней пуговицы. В основном Германия и Япония военно готовы, ГЕСС и другие официальные германские представители, с которыми ТРОЦКИЙ имел дело, не скрывали, что ориентируются на 1937 г., как на год начала войны, и нападения на СССР.

Германия и Япония считают, что в 1936 г. им удастся окончить дипломатическую подготовку войны: 1) Итало-Абиссинская война приведет либо к обострению франко-итальянских отношений и тогда ФРАНЦИЯ должна перебросить часть войск с германской на итальянскую границу; либо к сближению Франции с Италией и тогда Великобритания должна будет ориентироваться на Германию и дать ей свободу рук. Кроме того Германия придает серьезное значение борьбе французских фашистских элементов против демократического правительства Франции, что

ослабит ее военную мощь.

2) Если нарастающий кризис в Испании кончится победой испанских фашистов, то можно их будет использовать как союзников Германии против Франции.

При такой благоприятной обстановке Германия сможет нанести в первую очередь Франции в короткий срок сокрушительный удар, чтобы затем иметь полную свободу концентрации всех сил против СССР. Все разговоры с ГЕССОМ показали ТРОЦКОМУ, что Германия готовится к войне в 1937 г. и если блок не хочет оказаться кучкой бессильных резонеров, то он должен в 1936 г. развернуть максимальную энергию и в области террора, и в области диверсионно-вредительской деятельности и по созданию троцкистской организации в Кр. Армии.

Вопрос: ПЯТАКОВ показывает, что вы ему рассказывали о привлечении Дмитрия БУХАРЦЕВА в организацию и использовании его в качестве связиста с ТРОЦКИМ. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Да, полностью подтверждаю и добавляю, что я ему посоветовал, именно через БУХАРЦЕВА, организовать свою встречу с ТРОЦКИМ.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы сообщили ПЯТАКОВУ о привлечении вами БУХАРЦЕВА в организацию?

Ответ: Это было во время моей встречи с ПЯТАКОВЫМ в декабре 1935 года, о которой я показывал выше.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы связывались с СОКОЛЬНИКОВЫМ по вопросам деятельности организации?

Ответ: Первая моя встреча с СОКОЛЬНИКОВЫМ, как членом центра, произошла в конце апреля, либо в начале мая 1934 года в моем кабинете в редакции " Известия".

Я уже выше показывал, что, получив директиву ТРОЦКОГО о пораженьстве с упоминанием о разговоре СОКОЛЬНИКОВА с ОТТА, я в разговоре с ПЯТАКОВЫМ просил его направить ко мне СОКОЛЬНИКОВА для информации последнего о директиве и получения от него подробностей его переговоров с ОТТА.

СОКОЛЬНИКОВ позвонил ко мне на дом по телефону и спросил, когда он может меня застать в " Известиях". Я назначил ему час свидания, припоминаю, что мы условились на последнееобеденное время.

Когда СОКОЛЬНИКОВ пришел ко мне я его подробно информировал о директиве ТРОЦКОГО. Он же мне рассказал о своем разговоре с ОТТА следующее: после окончания официальных переговоров, которые касались одного из текущих вопросов, не помню конкретно какого, кажется дело шло о рыболовном договоре, ОТТА, очутившись при выходе на короткий срок наедине с СОКОЛЬНИКОВЫМ спросил его по - английски известно ли ему о предложениях ТРОЦКОГО японскому правительству. СОКОЛЬНИКОВ ответил утвердительно. ОТТА спросил как блок относится к этим предложениям. СОКОЛЬНИКОВ ответил, что блок относится к ним положительно.

Я и СОКОЛЬНИКОВ обсуждали между собой, что могло в ответе СОКОЛЬНИКОВА вызвать недовольство ТРОЦКОГО.

Мы пришли к заключению, что ТРОЦКИЙ овидал от СОКОЛЬНИКОВА не только визы на мандате ТРОЦКОГО для переговоров, но и активной поддержки ТРОЦКОГО, путем информации ОТТА о си-

ле блока, о его террористической и диверсионной акции, о степени влияния его на Кр. Армию и т.д.

Я условился с СОКОЛЬНИКОВЫМ также, как и с ПЯТАКОВЫМ, что должен информировать ТРОЦКОГО об обстановке разговоров СОКОЛЬНИКОВА с ОТТА с тем, чтобы ТРОЦКИЙ понял, что СОКОЛЬНИКОВ сделал все, что мог.

Следующая моя встреча с СОКОЛЬНИКОВЫМ состоялась в конце июня, либо в начале июля 1935 года.

Эта встреча также имела место в моем кабинете в редакции "Известия".

Содержание моей беседы с СОКОЛЬНИКОВЫМ в основном соответствует тому, что СОКОЛЬНИКОВ показал на очной ставке со мной, когда я еще скрывал свою принадлежность к центру троцкистско-зиновьевского блока.

К его показаниям я считаю необходимым лишь добавить, что когда СОКОЛЬНИКОВ выдвинул план дальнейшей террористической тактики, сводившейся к тому, что каждая террористическая группа должна действовать сама по себе, я ему сообщил мое и ПЯТАКОВА мнение, что нужно наоборот действовать не распыленными силами, а готовить одновременный террористический акт против основных руководителей ВКП/б/.

Я рассказал СОКОЛЬНИКОВУ, что мы вызываем ДРЕЙЦЕРА для того, чтобы получить картину состояния террористических групп и просил его сделать то же самое с РЕЙНГОЛЬДОМ.

Последняя моя встреча с СОКОЛЬНИКОВЫМ произошла в начале 1936 года в моем кабинете в "Известиях", куда я его вызвал из Наркомлеса, расположенного по соседству.

СОКОЛЬНИКОВ к моменту встречи со мной уже знал от ПЯТАКОВА о его поездке за границу, соглашении ТРОЦКОГО с немцами и фашистской программе выдвинутой ТРОЦКИМ.

СОКОЛЬНИКОВ считал так же, как и я и ПЯТАКОВ, что блок пришел к решающему моменту своего развития и что нельзя дальше действовать без созыва совещания основных руководящих людей организации на периферии и без того, чтобы поставить перед ними на обсуждение программу, которую развивал ТРОЦКИЙ.

СОКОЛЬНИКОВ взял на себя подбор группы зиновьевцев, которая бы смогла принять участие в этом совещании.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы связались с СЕРЕБРЯКОВЫМ как членом центра троцкистско-зиновьевского блока?

Ответ: Впервые я установил с СЕРЕБРЯКОВЫМ связь как с членом центра осенью 1933 года, когда мы с ним встретились на его даче на Никулиной горе.

Это было вскоре после получения мною директивы ТРОЦКОГО о вредительстве.

При этой моей встрече были посторонние лица. Поэтому подробно нам говорить не удалось.

Приблизительно наш разговор свелся к следующему:

Я: Значит, снова начали совместно?

Он: Да, снова в одном центре.

Я: Я недавно получил письмо от Л.Д. Он пишет о вредительстве. Ты об этих установках знаешь?

Он: Да, мне уже передавали.

Я: Действуешь?

Он: Начинаю.

Больше мы ни о чем не говорили.

Вторая моя встреча произошла осенью 1935 года возле дома правительства. О ней я давал показания на предыдущих допросах.

Последняя моя встреча с СЕРЕБРЯКОВЫМ состоялась тоже возле дома правительства, куда я вызвал СЕРЕБРЯКОВА из Цудортранса, помещающегося почти рядом с домом правительства, где я жил.

Эта встреча произошла вскоре после моей встречи с ПЯТАКОВЫМ в начале 1936 г. (о ней я показывал ранее) - я СЕРЕБРЯКОВА поставил в известность о программных директивах ТРОЦКОГО, о соглашении последнего с немцами и о встрече ПЯТАКОВА с ТРОЦКИМ.

СЕРЕБРЯКОВ присоединился к нашему решению о созыве совещания.

Вопрос: На допросе от 4-6 декабря 1936 года вы показали, что посылали отчеты о деятельности троцкистско-зиновьевского блока ТРОЦКОМУ через РОММА и БУХАРЦЕВА. Когда были вами эти лица привлечены для связи с ТРОЦКИМ?

Ответ: Как я уже показывал на предыдущих допросах, РОММ явился ко мне весной 1932 г. в Женеве с поручением от ТРОЦКОГО. Что касается БУХАРЦЕВА, то он был мною привлечен к деятельности троцкистско-зиновьевской организации весной 1934 г. перед его отъездом в Берлин в качестве корреспондента " Известий".

Вопрос: Какие имел основания РОММ обратиться к вам с поручением ТРОЦКОГО. Ведь он этим ставил себя под угрозу провала?

Ответ: ТРОЦКИЙ дал поручение РОММУ связаться со мной в Женеве от его имени, так как имел информацию о моих антипартийных настроениях от МРАЧКОВСКОГО.

Кроме того, РОММ лично к моменту нашей встречи в Женеве знал о моих антипартийных настроениях.

Вопрос: Откуда РОММ знал о ваших настроениях?

Ответ: После возвращения РОММА из Токио в 1930-31 годах до его отъезда в Париж он имел несколько встреч со мной в которых я делился с ним своей пессимистической оценкой положения в стране и в ВКП/б/ и давал ему понять, что троцкистам возможно придется снова активизироваться.

Вопрос: Какую работу проводил РОММ по вашему поручению и троцкистско-зиновьевской организации?

Ответ: По моему поручению РОММ осуществлял связь между мной и ТРОЦКИМ. Главным образом он использовался мной для отправки за границу ТРОЦКОМУ информации о деятельности троцкистско-зиновьевской организации.

Вопрос: Когда и какую информацию вы направляли ТРОЦКОМУ через РОММА?

Ответ: Первую информацию ТРОЦКОМУ я послал осенью 1932 года после того, когда я дал согласие МРАЧКОВСКОМУ на вступление в "запасный центр". Об этом моем решении я информировал через РОММА ТРОЦКОГО и тогда же высказывал мои и ПЯТАКОВА опасения, насчет засилия зиновьевцев в действующем центре.

Указывая на этот момент, я советовал использовать высылку ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, для развертывания самостоятельной работы троцкистов под прикрытием "параллельного" центра.

Вопрос: Эту информацию вы переправили ТРОЦКОМУ в письменном виде, или передали через РОММА устно?

Ответ: Это было письмо заделанное мною в переплет книги, хотя с содержанием письма я РОММА ознакомил.

Вопрос: На каком языке было написано это письмо?

Ответ: На русском.

Вопрос: Написано или напечатано?

Ответ: Написано.

Вопрос: Чернилами или карандашом?

Ответ: Чернилами.

Вопрос: На какой бумаге?

Ответ: На тонкой заграничной бумаге, которой у меня всегда было вдоволь.

Вопрос: Каково название книги, в которую вы заделали письмо?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Какого издания советского или заграничного?

Ответ: Это была немецкая книга.

Вопрос: Почему немецкая?

Ответ: РОММ, по моему мнению, у органов советской власти был вне подозрений. Так, что особенно беспокоиться, что его будут тщательно обыскивать на территории Советского Сою-

за, мне не приходилось. После же переезда границы СССР, книга Советского издания могла бы вызвать за границей неприязни, вплоть до того, что ее могли бы у него изъять.

Вопрос: Кто занимался технической заделкой письма в книгу?

Ответ: Я лично.

Вопрос: Как вы заделывали письмо?

Ответ: Я аккуратно его заделывал с обратной стороны корешка переплета. Прошу иметь в виду, что я являюсь любителем переплетчиком и в свое время всегда лично переплетал книги для себя.

Вопрос: Какие еще информации вы направляли ТРОЦКОМУ через РОММА?

Ответ: В сентябре 1933 года я послал через РОММА опять таки заделанное в переплет немецкой книги письмо ТРОЦКОМУ, являвшееся ответом на привезенное РОММОМ письмо от ТРОЦКОГО..

Я в этом письме давал характеристику экономического и политического положения в стране и в связи с этой характеристикой высказывал свои сомнения насчет указаний ТРОЦКОГО.

Если в первом письме в конце 1932 года я высказывался за развертывание террористической акции, то теперь высказывал предположение, что главные экономические затруднения прошли и что поэтому надо выждать пока определится новая обстановка для того, чтобы решить как действовать.

В этом письме я в первый раз высказывал свою точку зре-

ния на вредительство как метод борьбы, ибо в первый раз из письма ТРОЦКОГО я узнал, что им была дана директива о применении вредительства.

Я сообщал ТРОЦКОМУ, что центр принял директиву к исполнению, но, что я считаю нужным информировать его о тех больших затруднениях, которые встретит проведение в жизнь директивы о вредительстве и что к этому вопросу придется еще вернуться.

Последнее письмо через РОММА я посылал ТРОЦКОМУ в мае 1934 года.

В этом письме я касался двух вопросов:

во-первых я ему передавал, что после возвращения ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА из ссылки у зиновьевцев борются две тенденции: ЗИНОВЬЕВ под влиянием восстановления в партии и назначения в редакцию "Большевик" высказывал в разговоре со мною свое личное мнение, что возможно стоило бы выждать проверки, - Не значит ли привлечение руководящих троцкистов и зиновьевцев к позитивной работе, что можно надеяться на поворот в политике СТАЛИНА.

КАМЕНЕВ же активизирует БАБАЕВА и требует ускорения осуществления террористических актов.

Вопрос: Как вас понимать. Значит ли это, что весной 1934 года ЗИНОВЬЕВ был против террористической борьбы?

Ответ: Об этом не могло быть и речи. Никакого изменения его основной линии не было. Его высказывания означали лишь колебания, свойственные его характеру, когда после возвращения из ссылки ему померещилась возможность вползти в власти.

Второй вопрос, который я подымал в этом письме к ТРОЦКОМУ, это был вопрос о международной политике блока, в связи с переговорами СОБОЛЬНИКОВА с ОТТА.

Я обратил внимание ТРОЦКОГО на то, что он поставил СОБОЛЬНИКОВА в исключительно тяжелое положение, заставляя его в официальных переговорах от имени советского правительства вести одновременно переговоры от имени блока.

В связи с этим же вопросом я просил ТРОЦКОГО сообщить нам, что он конкретно предпринимает в области международной, в частности в чем конкретно состоит контакт с немцами, о котором он писал в своем письме ко мне.

Вопрос: О каком письме ТРОЦКОГО к вам вы здесь показываете?

Ответ: На предыдущем допросе я уже показывал, что весной 1934 года я получил от ТРОЦКОГО письмо - инструкцию, в котором он развивал пораженческую тактику блока в связи с приходом Гитлера к власти. Это было примерно в мае месяце 1934 года. Тогда же в мае 1934 года я имел разговор по поводу этой инструкции с СОБОЛЬНИКОВЫМ и в конце мая 1934 года, при отъезде РОИММА за границу я ему передал указанное выше письмо для ТРОЦКОГО.

Вопрос: Вы показали, что привлекли к участию в троцкистско-зиновьевской организации БУХАРЦЕВА перед его отъездом из СССР на корреспондентскую работу в Берлин. Когда и при каких обстоятельствах вам дал БУХАРЦЕВ согласие на участие в организации?

Ответ: Я знал об участии БУХАРЦЕВА в группе леваков во время его пребывания членом редакции газеты "Комсомольская Правда".

От него лично я знал о его близости с СЫРЦОВЫМ во время поездки СЫРЦОВА за границу. Снятие БУХАРЦЕВА с поста корреспондента ТАСС в Вене тоже было для меня доказательством его оппозиционных настроений. Работая в Комакадемии он встречался со мной и высказывал вскользь несомненно оппозиционные взгляды по ряду вопросов: о положении в Коминтерне, о "закиме" в партии и т.д.

Так как он был близок по работе в Комакадемии с ИОЭЛЬСОНОМ, антипартийная позиция которого мне была ясна, то я в 1933 году осторожно стал расспрашивать ИОЭЛЬСОНА о нем.

На основе всего этого я, ведя с БУХАРЦЕВЫМ переговоры о его поездке в Берлин в качестве корреспондента "Известий" дал ему понять, что на этом посту он смог бы оказать мне лично значительные услуги.

Когда он не спрашивая о чем идет речь, выразил готовность, я сказал ему открыто, что дело идет о связи с ТРОЦКИМ, которую ему придется поддерживать. БУХАРЦЕВ дал на это свое согласие и спросил как ему связаться с ТРОЦКИМ.

Тогда я ему сказал, что ТРОЦКИЙ будет извещен о взятой им на себя роли связиста и что к нему в Берлине явится человек от ТРОЦКОГО.

Я поручил БУХАРЦЕВУ пересылать ТРОЦКОМУ в случае необходимости, мои письма к последнему, мне сообщать поручения ТРОЦКОГО и кроме того выполнять указания, которые ему будут даны ТРОЦКИМ.

Этим не должна была исчерпываться роль БУХАРЦЕВА. Я считал очень важным, чтобы центр троцкистско-зиновьевс-

кого блока в Москве и ТРОЦКИЙ были хорошо осведомлены о всем, что происходит в Германии, о всех процессах не находящих своего отражения в прессе, о группировках, создающихся в германском фашизме, о его отношении к СССР и к западным державам.

Я посоветовал БУХАРЦЕВУ использовать свое положение корреспондента "Известий" для самых широких знакомств в журналистском и политическом мире.

Я обратил его внимание на журналистов, недавно присоединившихся к фашизму. Я поручил БУХАРЦЕВУ познакомиться с ШЕФЕРОМ редактором "Берлинер Тагенблат", который, как многолетний корреспондент этой газеты в Москве, был со мной в хороших отношениях и знал о моей активной борьбе с ВКП/б/ в прошлом.

Для меня было ясно, что если БУХАРЦЕВ сошлется в разговоре с ШЕФЕРОМ прямо на мое поручение, то от ШЕФЕРА многое сможет узнать полезного для блока. Одновременно я предупредил БУХАРЦЕВА, что и ему придется освещать ШЕФЕРУ положение СССР с точки зрения блока.

Я предупредил БУХАРЦЕВА о необходимости крайней осторожности во взаимоотношениях с ШЕФЕРОМ и не говорить ему прямо о контакте ТРОЦКОГО с германским правительством.

Вопрос: Предупредили ли вы ТРОЦКОГО о БУХАРЦЕВЕ?

Ответ: Да, через РОММА в мае 1934 года.

Вопрос: Устно или письменно?

Ответ: Об этом я написал ТРОЦКОМУ в письме, которое не-
решал через РОММА, о чем я показывал выше.

Вопрос: Посылали ли вы ТРОЦКОМУ какие-нибудь сообщения
о деятельности троцкистско-зиновьевской организации через
БУХАРЦЕВА?

Ответ: Когда БУХАРЦЕВ в ноябре 1934 года прибыл в отпуск
в СССР и известил меня, что ТРОЦКИМ с ним связался через
специально присланного человека, я через БУХАРЦЕВА послал
письмо, заделанное в книгу, как и те, которые я посылал че-
рез РОММА.

В этом письме, как я уже показывал на допросе от 4-6 де-
кабря, я от своего и ПЯТАКОВА имени требовал у ТРОЦКОГО
разъяснений по вопросам вредительства и его международной
политике, особенно в рабочем движении.

Вопрос: Установил ли БУХАРЦЕВ от вашего имени связь с
ШЕФЕРОМ?

Ответ: Это мне неизвестно. К моменту его приезда в СССР
в ноябре 1934 года он этого еще не успел сделать. После
ноября 1934 года я его не видел.

Вопрос: Но ведь вы с ним разговаривали по телефону?

Ответ: Да, я действительно с ним несколько раз разговари-
вал по телефону и мог, конечно, в завуалированном виде его
об этом спросить.

Не спрашивал я его об этом, исходя из следующего: перед
его отъездом в ноябре 1934 года я с БУХАРЦЕВЫМ условились,
что если у него будет, чтонибудь важное для меня по линии
организации, БУХАРЦЕВ по официальной линии попросит у меня

разрешения приехать в СССР. Поскольку он этого за весь 1935 год ни разу не сделал, я понимал, что ничего интересующего меня в его распоряжении нет и поэтому считал ненужным задавать ему какие бы то ни было даже завуалированные вопросы по телефону.

Вопрос: Выходит, что деятельность БУХАРЦЕВА в организации ограничилась установлением связи с ТРОЦКИМ и переправкой ему вашего отчета в конце 1934 года.

Ответ: Всей деятельности БУХАРЦЕВА за кордоном с 1934 года я не знаю, по причинам, которые я указывал выше.

Мне лично известно, что 1) он установил связь с ТРОЦКИМ, через специально присланного к нему человека; 2) переправил ТРОЦКОМУ мой отчет от ноября 1934 г.; 3) организовал через представителя ТРОЦКОГО поездку ПЯТАКОВА к нему ТРОЦКОМУ.

Вопрос: А что вам известно конкретно о роли БУХАРЦЕВА в организации поездки ПЯТАКОВА к ТРОЦКОМУ?

Ответ: ПЯТАКОВ после приезда из Германии при разговоре со мной в начале 1936 г. рассказал мне, что БУХАРЦЕВ, еще до приезда ПЯТАКОВА в Берлин, узнав в посольстве о предстоящем приезде ПЯТАКОВА, инициативно связался с представителем ТРОЦКОГО и запросил через него ТРОЦКОГО, нет ли у него каких нибудь вопросов либо поручений к ПЯТАКОВУ.

ТРОЦКИЙ выразил желание встретиться с ПЯТАКОВЫМ непосредственно, в связи с чем представитель ТРОЦКОГО, связанный с БУХАРЦЕВЫМ организовал ПЯТАКОВУ поддельный паспорт, самолет и т.д.

Вопрос: Вы показали на допросе от 4-6 декабря 1936 г., что запрос ТРОЦКОМУ о вредительстве и отношении к Коминтерну вы послали осенью 1935 г. через РОММА. Сейчас вы показываете, что этот запрос послали в 1934 г. через БУХАРЦЕВА. Чем об"ясняется такое расхождение?

Ответ: На допросе от 4-6 декабря 1936 г. я просто спутал. В действительности запрос ТРОЦКОМУ о вредительстве и отношении к Коминтерну я направил ТРОЦКОМУ через БУХАРЦЕВА в ноябре 1934 г.

Вопрос: Чем же вы об"ясняете, что ТРОЦКИЙ вам ответил на эти вопросы только в письме полученном вами в январе 1936 года?

Ответ: Над этим вопросом я и сам задумывался и пришел к выводу, что этим определяются и личные качества ТРОЦКОГО.

В тех вопросах, которые он считал актуальными, он действовал максимально быстрыми темпами. Так, например СОКОЛЬНИКОВ вел с ОТТА переговоры весной 1934 г., а буквально через 2 недели, максимум через месяц уже была его директива, в которой он требовал от нас более подробных переговоров с представителями немцев и японцев в Москве.

По тем же вопросам, где он знал, что работа ведется (как например вредительство), но что психологически она с трудом воспринимается некоторыми участниками блока, он старался оттянуть ответ, либо его совсем обойти.

Ясно, что поскольку вопрос об отношении к Коминтерну я считал неактуальным с точки зрения практической деятельности блока в СССР, он считал для себя возможным оття-

нуть ответ на него на целый год.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

РАДЕК.

ДОПРОСИЛИ:

ЗАМ.НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГУГБ-
СТАРШИЙ МАЙОР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

/ В. БЕРМАН/

ОПЕРУПОЛНОМ. 3 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ-
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

/ АЛЬТМАН/

В е р н о:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР 8 ОТДЕЛА ГУГБ-
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

Голанский
(ГОЛАНСКИЙ)